

Чирейкина Ольга Юрьевна

**НЕЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ "О ВЗЯТИИ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА" КАК ОБРАЗЕЦ ЖАНРА
ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ**

Статья посвящена проблеме становления жанра воинской повести, зарождению ее в рамках летописи и функционированию в составе литературных сборников. Объектом исследования является повесть "О взятии Великого Новаграда", обнаруженная в рукописных сборниках из архивов Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск) и РГБ (г. Москва). На основе текстологического анализа прослеживается механизм трансформации летописного текста в самостоятельное произведение с собственной литературной судьбой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/54.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 205-208. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

ORIGINALITY OF CHRONOTOPE IN G. MEYRINK'S NOVEL "THE GREEN FACE"

Chekhlova Liliya Airatovna

Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University
lilyachehlova@yandex.ru

The article considers the peculiarities of chronotope by the example of fiction novel "The Green Face" of the Austrian writer – expressionist Gustav Meyrink (1868-1932). G. Meyrink's creative work is an artistic experiment. Writer's keenness on occult knowledge, oriental mysticism and Kabbalah is represented in his works. The author of the article pays particular attention to the revelation of the notion "chronotope in a fiction novel". The originality of chronotope organization in G. Meyrink's novel "The Green Face" is confined to the fact that the boundaries of real and fantastic are erased.

Key words and phrases: category of time; category of space; science fiction; fiction novel; fantastic reality.

УДК 10.01.01

Филологические науки

Статья посвящена проблеме становления жанра воинской повести, зарождению ее в рамках летописи и функционированию в составе литературных сборников. Объектом исследования является повесть «О взятии Великого Новаграда», обнаруженная в рукописных сборниках из архивов Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук (г. Новосибирск) и РГБ (г. Москва). На основе текстологического анализа прослеживается механизм трансформации летописного текста в самостоятельное произведение с собственной литературной судьбой.

Ключевые слова и фразы: древнерусская литература; становление жанра; летописная повесть; воинская повесть; присоединение Новгорода к Москве.

Чирейкина Ольга Юрьевна, к. филол. н., доцент

Сибирский университет потребительской кооперации (г. Новосибирск)
9437375@mail.ru

**НЕЛЕТОПИСНАЯ ПОВЕСТЬ «О ВЗЯТИИ ВЕЛИКОГО НОВАГРАДА»
КАК ОБРАЗЕЦ ЖАНРА ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ**[©]

Русская средневековая литература имеет своеобразную систему жанров, теоретические представления о ней до сих пор остаются разноречивыми. Помимо проблемы определения критериев жанровой принадлежности текстов, в научной литературе отмечается отсутствие единообразия в определении самих терминов. До настоящего времени нет единого определения и такого популярного в древнерусской литературе жанра, как воинская повесть.

В медиэвистике отмечаются разные подходы к классификации воинских повестей. Классическими стали работы А. С. Орлова [6], А. Н. Робинсона [9], М. Н. Сперанского [13], Д. С. Лихачева [4], Н. И. Прокофьева [7], Е. А. Прохазки [8] и других исследователей. В качестве жанроопределяющих называются такие признаки, как эпичность жанра, историзм событий и персонажей, особый объект повествования (поход, сражение, осада города), реально-правдивый способ изображения.

Наша работа представляет собой попытку проанализировать становление жанра воинской повести на примере нелегитимной повести «О взятии Великого Новаграда». Задачей данной статьи является попытка продемонстрировать механизм трансформации летописной повести о взятии города в самостоятельное литературное произведение, вышедшее за рамки летописи и ставшее текстом с собственной литературной судьбой.

Повесть «О взятии Великого Новаграда» выявлена нами в составе сборников смешанного содержания – Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН, собрание Тихомирова, № 373 [11, л. 296-300] и Российской государственной библиотеки, фонд 228, Пискаревское собрание, № 183 [10, л. 394 об. - 398]. Проведенный текстологический анализ текстов повести позволил установить, что найденные два списка сохраняют общий сюжетный ряд и не имеют больших разночтений: отмечены отличия орфографического характера, замены существительного местоимением, незначительные пропуски слов. Можно заключить, что тексты повести в указанных сборниках принадлежат к одной редакции, восходят к общему протографу.

Обратимся к историческим фактам. Известно, что Новгород был присоединен к Московскому княжеству в результате трех походов великого князя Ивана III на город в 1471 г., 1475 г. и 1478 г. Если летописи в силу своей специфики (изложение событий в хронологической последовательности) дают описание походов великого князя на Новгород под этими тремя годовыми датами, отделенными друг от друга погодными записями о других событиях русской истории, то в повести «О взятии Великого Новаграда» рассказ о трех походах

представляет собой единое целое, не имеющее разрывов. Таким образом, создается одна сюжетная линия повествования о событиях 1471-1478 гг. Для автора важна цепь событий, приводящая к известному финалу, а не соотнесение их с конкретными датами, хотя хронологический принцип изложения – это пока единственный композиционный прием, который используется в данной повести.

«О взятии Великого Новаграда» не имеет явных текстуальных совпадений с летописными повестями о походах Ивана III на Новгород (нами были проанализированы все опубликованные в Полном собрании русских летописей своды), отличается от них манерой изложения и стилистикой. Это новое, самостоятельное сочинение, которое создавалось именно для третьего сборника и вошло в контекст тематического цикла повестей о взятии других городов – Иерусалима, Царьграда, Казани, Пскова.

Наиболее интересной в литературном плане представляется первая часть повести, в которой рассказывается о событиях 1471 г. Начинается она традиционным этикетным зачином, в котором указано конкретное время действия и наиболее выдающиеся исторические личности: «*Бысть побѣда от великого князя Ивана Васильевича Московского над Великим Новымградом в лѣто 6979 при митрополитѣ Филиппе всея Руси на рекѣ на Шелонѣ*» (*Здесь и далее текст цитируется по Тих. 373 – О. Ч.*) [11, л. 296]. Затем идет описание самого важного события похода 1471 г. – Шелонской битвы. Вначале автор, согласно традиции воинских повестей, подчеркивает малочисленность московского войска (5 000 воинов) и численное превосходство сил врага – новгородцев (40 000 пехоты и 16 000 конников), затем приводит обращение воевод московских воевод к своему войску перед началом битвы. Вполне в традициях древнерусских воинских повестей построена и укрепительная молитва московских воевод перед началом сражения. Этот этикетный прием встречается во всех воинских повестях в древнерусской литературе в качестве обязательного элемента жанра. Обращение проникнуто патриотичностью, верностью воинскому долгу и наполнено эмоциональностью. Речь воевод строится на метафорических сравнениях («*силы новгородские... яко лѣсъ шумящъ и колыблющъ неподвижно иаки камене бездушное, лежаще по брезу реки*») [Там же, л. 297], использованы образцы риторического строя («*москвичи суще и имя на себѣ велико имущи нынѣ же сотворим славу государю нашему, на се пославшему нас, себе похвалу и честь и память вечну во вѣки. И Бога нашего призвавши на помощь и да идем к ним...*») [Там же].

Формульность речи совпадает в текстах многих воинских повестей древнерусской литературы, например в «Слове о полку Игореве»: «*Ищу себе чти, а князю славы*» [2, с. 149] или в «Сказании о Мамаевом побоище»: «*...аще побьем поганых, то вси живи будем, аще ли нас побьют, то вси общею смертию умрем...*» [Там же, с. 163].

Находим в тексте и традиционную формулу о поддержке божественными силами действий москвичей во время битвы: «*...Москвичи же пребредше за реку и видѣша бежание новгородцевъ и восприаши от Бога храбрость и начаша новгородцевъ съчи сстигая и ту убиша москвичи новгородцевъ болѣ 12 000, а изымаша болѣ 2 000 добрых людей, посадников и тысяцких, и боляр, и простых людей много... А московские рати на том бое ни един человек не убиен бысть, но всѣ цѣлы, Богом сохранены быша*» [11, л. 298]. Эта деталь присутствует и в летописных сводах, но в повести «О взятии Великого Новаграда» она изложена иначе, более выразительно, это целая картина, которую можно представить зрительно: «*Воеводы же князя великого, князь Данило и Федоръ Давыдович, ставши на костех, сождашася с воинством своим и видѣша воя своя всѣх здравых и благодарша Бога и Пречистую Его Матерь и всѣх святыхъ*» [Там же].

Рассказ о событиях 1471 г. в повести соединяется с рассказом о 1475 г. следующей фразой, которая стала контаминиационным швом: «*Князь же великий пожалова изпусти из заточения пленных новгородцов, Казимера и с ним 40 и отпусти ихъ в Новград к женам и к дѣтем их <события 1471 г.>. И по них прииде сам князь великий в Новградъ в лѣто 6984 с миром <события 1475 г.>*» [Там же].

Далее описание тех событий, которые автор повести относит к 1475 г., а фактически произошедших в 1478 г., заканчивается фразой-переходом: «*И пакы по сем не восхотеша новгородци быти подо областю великаго князя и намѣстников его имѣти и давати оброку по тому же сребра числом, яко преже речено по 16 000 больших рублей их числом. И велми за то възъярися на них князь великий Иван Васильевич и събра воя велика и поиде на свою отчину на великий Новѣград и шед, взял его до конца в лето 6986*» [Там же, л. 299].

Дальнейшее повествование содержит рассказ о прибытии делегации новгородцев с новопоставленным архиепископом Феофилом в ставку Ивана III с подарками; о возвращении великого князя в Москву; о приведении новгородцев к присяге на верность великому князю Московскому; о гибели отпущенных из плена новгородцев во время бури на озере Ирмень.

О близости повести «О взятии Великого Новаграда» и летописей, начиная с описания событий 1475 г., можно говорить вполне уверенно. Под погодной записью «*В лѣто 6986*» (фактически речь идет о 1475 г. – О. Ч.) начинается текст в дополнительной тетради Бальзеровского списка Софийской I летописи [12, с. 16-18] (одной из самых загадочных в русской медиевистике), совпадающий со второй частью нашей повести. А с 6984 г. тот же текст читается в Архивском списке Новгородской II летописи [5, с. 180-181], содержащей ряд древнейших известий из неизвестных пергаменных рукописей. Вопрос об источниках Новгородской II летописи в научной литературе еще не достаточно изучен. Ее состав не вполне обычен для летописей, поскольку «она написана без соблюдения какой-либо хронологической последовательности событий, а к тому же переплетена в некоторых случаях с перебивкой листов» [1, с. 225]. Обе вышеназванные летописи не принадлежали к числу официальных московских сводов.

Тот же текст читается и в отрывке из журнала пребывания великого князя в Новгороде, который велся московскими дьяками во время похода. Этот журнал обнаружен нами в Российской государственной библиотеке [3, д. 34, л. 80-96].

Третья часть повести – наиболее краткая, обобщающая. В ней в нескольких предложениях подводится итог противостоянию Москвы и Новгорода. Стиль этого отрывка достаточно информативный, деловой. Автор повести без погодной ссылки дает текст об окончательном взятии Новгорода, о конце новгородской независимости, причем сделано это достаточно неожиданно. Эта часть повести наиболее схематична и по стилю изложения похожа на краткую летописную запись. Автор перечисляет, что проделал великий князь в Новгороде:

«Много поима не в честь злата и сребра и ноугородския жителя по своим градом по московским разведе, овѣхъ же в темницах заключи и тако укрепил Великий Новгород быти подъ областью Московскою и колокола вечевые поспима и к Москве сведѣ и намѣстники своя посади» [11, л. 300].

И вновь этой конечной фразой повесть «О взятии Великого Новаграда» стыкуется с повестью из дополнительной тетради Бальзеровского списка Софийской I летописи [12].

Вопрос датировки данной повести может быть тесно связан с ее жанровой принадлежностью. По жанровой структуре данная повесть относится к числу исторических воинских повестей русской литературы XVI века. Вслед за М. Н. Сперанским, анализировавшим повесть и сказания о взятии Царьграда турками, мы можем констатировать, что «тема, идейное содержание и сама словесная структура сближают» повесть «О взятии Великого Новаграда» с «группой поздних воинских повестей» [13, с. 143].

Сперанский выделил ряд жанровых характеристик поздних воинских повестей: «Русская воинская повесть в конце XV века, и особенно в первом десятилетии XVI века, приобретает некоторые новые черты под пером писателей, близких к правящим кругам. Воинские героические сцены, точные в деталях, нередко мастерски разработанные и полные неподдельного драматизма и пафоса, сочетаются с отчетливо выраженной публицистической тенденцией. Большое внимание уделяют авторы этой поры обрисовке личностей государей-военачальников, нередко придают своим произведениям отчетливую религиозно-лирическую окраску (лирические молитвы, плачи, знамения). Наконец, не довольствуясь фактической исторической основой, авторы повестей не раз обращаются к литературным источникам и образам предшествующих столетий» [Там же, с. 144]. Практически все эти особенности обнаруживаются и в нашей повести.

Таким образом, проведенный текстологический анализ летописных сводов и изучение литературной истории повести «О взятии Великого Новаграда» приводят к следующим выводам. Во-первых, летописные своды конца XV – начала XVI в. значительно шире освещают события походов Ивана III на Новгород, четко выдерживая хронологию изложения.

Во-вторых, «О взятии Великого Новаграда» – это традиционная воинская повесть, в которой автор активно использовал символику, образные и стилистические средства как летописных сказаний, так и жанров фактуального повествования – хроники, дневника.

В-третьих, внесенная в литературные сборники повесть уже теряет связь со своим источником – летописью, вместе с тем историчность темы произведения в данном случае еще не дает возможности полностью освободиться от хронологических рамок и перейти к сюжетному повествованию. Возможно, этим объясняется тот факт, что повесть «О взятии Великого Новаграда» не имеет длительной истории переписки в составе четырех сборников.

В данной повести налицо отражение двух литературных тенденций, характерных для стиля эпохи XVI в.: ориентация на документальное повествование, что выразилось в стремлении книжника сохранять имена, вести статистику; и склонность к сохранению принципов литературного этикета.

Переосмысленное, оторванное от слишком конкретных деталей, понятных только современникам, и воспринятое как обобщенная картина определенной исторической ситуации, повествование вступает в следующий этап своей истории. Это складывающаяся как самостоятельный текст историческая воинская повесть, уже оторвавшаяся от летописи, но и связанная с нею. В этом формирующемся новом тексте можно отметить пока лишь элементы сюжетного повествования. Но именно этим она и интересна для исследователя.

Список литературы

1. Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001.
2. Воинские повести Древней Руси. М. – Л., 1949.
3. Выписки из рукописных книг // Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 256.
4. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 1.
5. Новгородская II летопись (Архивский список) // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1965. Т. XXX.
6. Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902.
7. Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского Средневековья и системе жанров русской литературы XI-XVI вв. // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1.
8. Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских воинских повестей // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л., 1989. Т. 12. С. 228–241.
9. Робинсон А. Н. К вопросу о народно-поэтических истоках стиля «воинских повестей» Древней Руси // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. С. 131–158.
10. Сборник исторический // РГБ. Ф. 228. Пискаревское собрание. № 183.
11. Сборник смешанного содержания // Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (ГПНТБ СО РАН). Тихомировское собрание. № 373.
12. Софийские летописи // ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI.
13. Сперанский М. Н. Повести о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI-XVII вв. // ТОДРЛ. М.–Л., 1954. Т. X.

NON-ANNALISTIC STORY “ON CAPTURE OF GREAT NOVAGRAD” AS SAMPLE OF MILITARY STORY GENRE

Chireikina Ol'ga Yur'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Siberian University of Consumer Cooperation (Novosibirsk)
9437375@mail.ru

The article is devoted to the problem of military story genre formation, its origin within the framework of annals and functioning as a part of literary collections. The object of the research is the story “On Capture of Great Novograd” found in the manuscript collections of the archives of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk) and Russian State Library (Moscow). Basing on textual analysis the author traces the mechanism of annalistic text transformation into an independent work with its own literary destiny.

Key words and phrases: Old Russian literature; genre formation; annalistic story; military story; annexation of Novgorod to Moscow.

УДК 8; 81'37:811.11

Филологические науки

В статье раскрываются основные источники и способы образования многозначных терминов в авиационной терминологии немецкого языка. В качестве основных источников возникновения многозначных технических терминов рассматриваются метафора, метонимия и специализация (сужение) значения общеупотребительного слова.

Ключевые слова и фразы: терминологическая система; полисемия; многозначные термины; источники полисемии.

Шарафутдинова Насима Саатовна, к. филол. н., доцент
Ульяновский государственный технический университет
nassima@mail.ru

МНОГОЗНАЧНЫЕ ТЕРМИНЫ В НЕМЕЦКОЙ АВИАЦИОННОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЕ: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ И ИСТОЧНИКИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ[©]

Лексическая полисемия – способность одного слова служить для обозначения разных предметов и явлений действительности. Между значениями многозначного слова существует определенная связь, что дает основание считать их значениями одного слова в отличие от значений слов-омонимов. Иначе говоря, многозначное слово соотносится по числу значений с несколькими понятиями.

Полисемия способствует изменению способов восприятия окружающего нас мира и является одним из основных приемов познания и концептуализации действительности. Понимание полисемии как когнитивного механизма и осознание роли метафорической и метонимической номинации в терминообразовании способствуют увеличению количества многозначных терминов. В связи с этим представляется актуальным исследование порождения новых многозначных терминов.

Цель данной работы – изучить основные источники возникновения и функционирования многозначных терминов в современной немецкой авиационной терминосистеме.

Материалом для исследования нам послужили отраслевые авиационные словари, а также специализированные авиационные журналы, изданные в Германии, а именно: *Flieger Revue*, *Flug Revue*, *Pilot*, *Rotor*, *Fliegermagazin*.

Явление полисемии, широко представленное в общеупотребительной лексике, реализуется в специальной лексике несколько иначе. В общеупотребительной лексике у одного слова параллельно формируются близкие, но разные значения или, помимо основного значения, развивается другое значение, и лишь контекст позволяет определить значение слова. Таким образом, полисемия способствует расширению и обогащению словарного состава.

В лингвистических работах, посвященных исследованию основных характеристик научно-технического термина, в течение XX века велась борьба с полисемией, и продвигалось утверждение об однозначности термина как его главного признака. Однако на практике наблюдалось активное использование многозначных терминов во всех отраслях науки и техники. Так, даже в пределах одной отраслевой терминологии, например, авиационной, многие термины немецкого, английского и русского языков многозначны. Из этого следует, что однозначность – не обязательное свойство термина, а только его желательное свойство [11, с. 16].